
КЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ПРАВОВѢДѢНІЯ. ¹⁾

28.

Берлинъ 1—13 февраля 1831 г.

Ваше Сіятельство!

Достопочтеннѣйшій и любезнѣйшій Другъ!

Михаилъ Владиміровичъ!

Виджу, какъ Вы тотчасъ дѣлаете проницескую мину, и говорите: ну, хороша же дружба! сто лѣтъ не писавши, все еще объявляетъ притязанія на дружбу! — Такъ, любезнѣйшій Михаилъ Владиміровичъ! и сто лѣтъ не писавши, или по крайней мѣрѣ болѣе года,—все еще не отказываюсь я отъ этаго дорогаго притязанія, потому что (если Вы не имѣете отвращенія отъ юридическихъ терминовъ) хотя движимыя вещи (и то по древнимъ Римскимъ законамъ) и теряются давностію одного года, но я не причисляю дружбы къ движимымъ вещамъ; да думаю, что въ этомъ и Вы подобнаго мнѣнія. Однако—оставлю пустую игру словъ...

О дѣйствіяхъ холеры, о числѣ умирающихъ и оживающихъ, во всѣхъ городахъ, читаемъ мы (я хочу сказать, читали) всегда въ газетахъ. При упоминаніи о холерѣ—хотя я предполагаю лучшее изъ возможнаго—однакожь желалъ бы узнать, какъ Васъ Богъ хранилъ среди опасности. Пишутъ вообще, что болѣе простой и бѣдной народъ, не имѣющій средствъ, быть подверженъ ея нападеніямъ, но этаго очень недостаточно къ успокоенію въ разсужденіи лицъ, къ намъ драгоцѣнныхъ. Кажется, Нѣмцы тоже много занимаются толкованіемъ о холерѣ, и между прочимъ одному солдату—ко-

¹⁾ Окончаніе См Ноябрскую книжку Богословскаго Вѣстника, стр. 434—439.

торой конечно много ломалъ голову надъ этимъ-какой то духъ, явившись во снѣ, открылъ вѣрное средство противу холеры; этотъ вскочивши, побѣжалъ въ аптеку, но забылъ имя лѣкарства, и не могъ отыскать его. На другую ночь, опять является духъ, и, побранивши солдата за забывчивость,—повторилъ откровеніе. Солдатъ бѣжитъ въ аптеку, находитъ лѣкарство (только я не умѣю назвать его), сообщаетъ объ этомъ врачамъ,—доходитъ дѣло до знаменитаго Гуффеланда ¹⁾,—которой отозвался, что средство это въ самомъ дѣлѣ можетъ быть полезно, и наконецъ сообщаютъ обо всемъ этомъ въ Петербургъ—по крайней мѣрѣ для опыта. Удивляюсь, что у Васъ—въ Руси, духи такъ недѣятельны, тогда какъ они заботятся о холерѣ и являются здѣсь, гдѣ не вѣрятъ никакимъ духамъ, ни добрымъ, ни злымъ.—Однако я съ сожалѣніемъ вижу, что написалъ уже такъ много, и ничего дѣльнаго! Хорошо! даю себѣ обѣщаніе не писать по крайней мѣрѣ далѣе пустяковъ, сколько возможно.—Начну, хотя для порядка, съ политическихъ дѣлъ. О возмущеніи въ Польшѣ вѣроятно доходятъ до Васъ также извѣстія, какъ и до насъ, или по крайней мѣрѣ, важнѣйшія. Манифеста Польскаго Правительства, коимъ оно объявляетъ свѣту о причинахъ возстанія, не удалось мнѣ прочесть доселѣ. Нынѣ наименованы Сеймомъ Члены верх. Правительства, именпо Президентомъ Адамъ Чарторискій ²⁾, и еще 4 члена. въ числѣ коихъ Лелевель ³⁾, извѣстный Профессоръ и писатель. Замѣчательно, впрочемъ, что Президентъ, при вступленіи въ сіе званіе, говорилъ рѣчь, въ коей выражался одобрительно о вліяніи Россіи, о союзѣ съ Россіею, съ уваженіемъ о Императорѣ Александрѣ, и объяснился, что онъ только для того принимаетъ участіе въ общественномъ дѣлѣ, чтобы

¹⁾ Гуффеландъ—одинъ изъ знаменитыхъ врачей своего времени (1762—1836), имя котораго понынѣ пользуется широкой извѣстностью даже среди не медицинской публики

²⁾ Адамъ Чарторискій, князь, государственный дѣятель (1770—1861); нѣкоторое время былъ близкимъ лицомъ Александра I, занимать постъ попечителя виленск. учебнаго округа. Но въ 1823 г., когда мировоззрѣніе Александра I радикально измѣнилось, былъ отставленъ отъ должности

³⁾ Юахимъ Лелевиль (1786—1861), польскій историкъ, бывший профессоръ Виленскаго и Варшавскаго университетовъ.

не отдѣляться отъ націи. Извѣстно, что Хлопицкій ¹⁾, бывшій диктаторъ, сложилъ съ себя сіе званіе, объявивъ, что при настоящемъ состояніи Польши вести войска противъ Россіи, значило бы измѣнять Польшѣ, ввергать ее въ погибель. Оба пользуются или послѣдній по крайней мѣрѣ пользуются—не ограниченою довѣренностію народа. Однако, въ цѣломъ, продолжаютъ вооруженіе съ чрезвычайнымъ жаромъ; и 25-го Генваря новаго стиля Сеймъ объявилъ Польскій Престолъ упряднившимся. Большая часть Французовъ, (т. е. какъ частныхъ людей) принимаютъ самое живое участіе въ дѣлахъ Польскихъ—едва могутъ воздержаться, что бы сей часъ не сломить себѣ головы вмѣстѣ съ Поляками; образовалось въ Парижѣ общество для вспоможенія Полякамъ всѣми возможными способами, для доставленія имъ оружія, и пр. коего душою Лафайэтъ ²⁾,—и въ Камерѣ депутатовъ говорили многіе Члены о войнѣ съ Россіею: однако Правительство (т. е. Министерство) обѣщаетъ стараться всѣми возможными способами сохранить миръ, т. е. не начинать войны (ибо Россія конечно не думаетъ начинать ее противъ Франціи): однакожь тѣмъ не менѣе хочетъ оно дѣйствовать, и начало уже дѣйствововать чрезъ переговоры для тойже цѣли, для поддержанія Поляковъ—успѣхъ не упователенъ! Отъ войны удерживаетъ ихъ уже одна Пруссія, которая конечно не имѣетъ охоты пропустить ихъ войскъ,—и по этой и подобнымъ причинамъ нападаютъ французскіе журналисты,—кои теперь никого выше себя не знаютъ—съ „равною наглостію на Прусскаго Короля, какъ и на Императора Николая.—Нѣкоторые дѣйствительно доходятъ до непонятной наглости. Нѣтъ сомнѣнія, что проѣхавшій недавно къ нашему Двору французскій чрезвычайный Посланникъ Мортемаръ ³⁾ имѣетъ порученія по сему предмету — французы

¹⁾ I. Хлопицкій, одинъ изъ наиболѣе выдающихся польскихъ генераловъ (1771—1854); состоялъ на французской военной службѣ до 1814 г. когда возвратился въ Польшу и по волѣ имп. Александра былъ назначенъ дивизионнымъ генераломъ, но скоро вышелъ въ отставку. Когда вспыхнула въ Польшѣ описываемая революція, онъ вступилъ въ администр. совѣтъ

²⁾ Лафайэтъ—знаменитый французскій политическій дѣятель (1757—1834)

³⁾ Французскій генералъ и политическій дѣятель (1787—1875).

жалѣють только, что они нѣсколько опоздали съ переговорами; думаю, они всегда бы опоздали. Бросимъ взглядъ на ¹⁾ другихъ земель, въ разсужденіи Белгій, Конференція Лонд. (5 державъ) почти признала уже независимость Белгій, только за исключеніемъ Люксембурга, который долженъ принадлежать къ Нѣмецкому Союзу, и Королю Нидерландскому—но возбудила неудовольствіе обѣихъ сторонъ: Король жаловался въ сильныхъ выраженіяхъ, что уполномоченные отнимають у него его области, не извѣстно по какому праву, и объявилъ намѣреніе, защищать свои права оружіемъ; Белгійскій Конгрессъ съ своей стороны протестовалъ противъ изключенія Люксембурга. Наконецъ, послѣ долговременныхъ споровъ и колебаній между Герцогомъ Лейхтенбергскимъ (сыномъ Евгенія, пасынка Наполеопова) и Герцогомъ Немурскимъ—младшимъ сыномъ Короля французскаго рѣшено предложить белгійскую корону послѣднему; на избраніе перваго никакъ не соглашалась Франція—по какому праву? неизвѣстно—на избраніе послѣдняго, если и согласится французскій Король—что сомнительно—то возстанетъ противъ этаго прежде всѣхъ Англія, а вѣроятно и другія Державы. Какъ бы то ни было, однако уже отправлена Депутація къ (16-лѣтнему) Герцогу Немурскому въ Парижъ: отвѣта, какой она получитъ, дожидаться теперь не буду.—Въ Великобританіи дѣло идетъ о двухъ важныхъ пунктахъ: объобщаемой реформѣ Парламента,—что откроется съ ожидаемымъ нетерпѣливо на сихъ дняхъ открытіемъ Парламента; и объ отдѣленіи Ирландіи отъ Англіи, коего домогается весьма сильная партія въ Ирландіи, но коего не хочетъ Англія.—О политическихъ новостяхъ не нахожу болѣе ничего сказать.—Перейду къ моимъ собственнымъ и притомъ очень старымъ новостямъ. Цѣлой прошедшей мѣсяцъ Сентябрь я путешествовалъ, и притомъ—подивитесь!—не только на лошадахъ, но и пѣшкомъ,—и именно, въ сложности прошелъ думаю не менѣе 100 верстъ пѣшкомъ. Гдѣ же я шатался?—начиная отъ Магдебурга, ходилъ я пѣшкомъ по Гарцовскимъ горамъ, и около ихъ—они были однимъ изъ главныхъ предметовъ моего путешествія и изъ нихъ высочайшая Брокенъ—(а впрочемъ всѣ онѣ не высоки) но

¹⁾ Опускаемъ слово по трудности разобрать его.

на Брокенѣ, на которой всё путники тащатся, былъ я по несчастію, въ такое время, когда не видно было почти ничего, кромѣ облаковъ подъ ногами—ну! по крайней мѣрѣ я видѣлъ облака подъ ногами! Всё мѣста около Гарца, отличныя своими видами, долины, горы, замки, городки — пѣходилъ я пѣшкомъ; еще наименую Рвеетранне ¹⁾— дикіе утесы, на кои я не могъ наглядѣться, и коихъ никогда не забуду! Въ Андреасбергѣ—подѣ Брокена—спускался я въ серебряныя рудники до 80 сажень въ глубину. Гёттингеномъ окончили свое пѣшеходство, и проѣхали оттуда въ Кассель. (Забудь упомянуть о важномъ открытіи: въ Вишценгеродѣ, въ библіотекѣ тамошняго Графа, нашелъ пречудную и презорочную Русскую Рукопись какого то Плещеева-Скоропина, пѣз времяпъ Θεодора Алексѣевича—содержанія впрочемъ совсѣмъ не значится). Въ Кассель, осмотрѣвъ разныя достопримѣчательности этаго красиваго городка и столицы Курфирста Кассельскаго—поворотилъ назадъ къ востоку, и проѣхалъ чрезъ Готу, Ерфуртъ, Веймаръ (гдѣ наша В. К. Марія Павловна), Лейпцигъ (гдѣ тогда была ярмонка, впрочемъ не многолюдная)—въ Дрезденъ. Здѣсь пробылъ я не столько времени, сколько бы надлежало, какъ по истощенію моего кошелька, такъ и самой бодрости, — дня въ три осмотрѣлъ городъ, славную картинную галлерю, (гдѣ стоитъ пресловутая Мадонна Рафаелева, и Ночь Корреджіева), *зеленую кладовую* съ собраніемъ драгоцѣнностей, и пр. и два дня—только два дни — употребилъ на то, чтобъ посмотреть на (такъ называемую) Саксонскую Швейцарію, по коей тоже ходилъ пѣшкомъ, съ руководствомъ одной карты. До Касселя ходилъ и ѣздилъ я съ однимъ товарищемъ (Петербургскимъ), а отъ Касселя—одинъ. Могу сказать, что насмотрѣлся въ сытость прекрасныхъ видовъ; здѣсь не доставало только безъ сомнѣнія такихъ высокихъ горъ, какъ въ настоящей Швейцаріи,—высочайшая, на вершинѣ коей я былъ, не выше 1600 футовъ отъ подошвы (не отъ поверхности морской). Изъ Дрездена возвратился въ Берлинъ, гдѣ и теперь сижу и пишу къ Вамъ, и уже такъ усидѣлся, что теперь почти невѣрю моему прежнему путешествію. Въ тоже

¹⁾ Слово это въ подлинникъ написано не ясно, поэтому не ручаемся за точность его воспроизведенія.

время ѣздили другіе мои товарищи въ Дрезденъ, и оттуда въ Прагу. Двое изъ нихъ, А. А. Благовѣщенскій ¹⁾, и мой землякъ Богородскій ²⁾, имѣли удовольствіе быть въ Дрезденѣ свидѣтелями буйства народнаго, когда онъ жегъ Полицію и всѣ Полицейскія бумаги, — на автодафе, — съ торжествомъ и дурачествами малыхъ дѣтей — послѣдствія извѣстны. Въ Касселѣ, Лейпцигѣ, Брауншвейгѣ, Іенѣ, и т. д. были подобныя явленія около того-же времени. И въ Берлинѣ — когда мы были въ поѣздкѣ — вышло нѣчто въ этомъ родѣ, — собственно карриатура на революціи, — т. е. дня по два, или по три, собирались ремесленники предъ замкомъ на площади, шумѣли, — и наконецъ нѣсколькими выстрѣлами были разсѣяны. Въ это время — курьозно! — выставлена была картинка, на коей „служанка проситъ свою барыню, отпустить ее на четверть часика — на *революцію!*“ Дѣйствительно эта зараза революціи, — которая кажется хуже холеры, обратилась во всеобщую моду — какъ электрическій ударъ, пробѣжалъ этотъ духъ по всѣмъ малымъ звѣньямъ разсыпающагося нѣмецкаго союза; только сильная Пруссія и Австрія стоятъ спокойно: за тѣ ихъ бранятъ. — Въ это время, когда мы ѣздили, потеряли мы, къ общему прискорбію, одного изъ нашихъ товарищей — Пешехонова ³⁾, родомъ изъ Твери — которой уже съ полгода томился отъ чахотки. Въ тоже опять время, когда мы уѣзжали, пріѣхалъ въ Берлинъ Михайлъ Михайловичъ Сперанскій, возвращаясь изъ Карлсбада, — онъ засталъ здѣсь одного Константина Алек., ⁴⁾ которой и ходилъ къ нему почти каждой день въ продолженіи недѣли, имъ здѣсь проведенной. По ложнымъ слухамъ и разчетамъ мы были увѣрены, что Михайлъ Михайловичъ уже проѣхалъ въ Петербургъ прежде, и потому не дожидались его. Онъ говорилъ между прочимъ, что мы здѣсь будемъ жить не болѣе двухъ годовъ, — (слѣдовательно, до слѣдующей осени) а потомъ на полгода должны ѣхать если не въ Парижъ (что теперь совсѣмъ не вѣроятно), то въ какой нибудь другой Германскій Университетъ: впро-

1) Выше упоминавшійся

2) Выше упоминавшійся

3) Александръ Пешехоновъ, вызванный изъ Петербургской Академіи

4) Неволянъ

чемъ, все это еще не совсѣмъ рѣшено. Что мы теперь дѣлаемъ?—спросите Вы. Мы слушаемъ въ этотъ семестръ—во-первыхъ, опять *Римское право*, именно *Пандекты* у Савиньи (теперь только еще у Савиньи!), далѣе *Нѣмецкое Право* въ его историческомъ развитіи, *Уголовное Право*, — кромѣ этого я по своей охотѣ, также какъ оба мои Московскіе товарища слушаемъ у Гегеля *Философію Исторіи* — отчета обо всемъ этомъ сообщить Вамъ не дозволяетъ болѣе мѣсто—и наконецъ имѣемъ еще всѣ такъ называемыя *privatissima*, — о коихъ я кажется писалъ прежде,—и кои теперь не обвинуясь называю ученымъ шарлатанствомъ: весь результатъ его есть: минусъ въ нашихъ карманахъ=плюсъ въ карманѣ Г. Профессора; самое простое уравненіе 1-й степени. — Я хожу очень рѣдко въ театръ—не имѣю охоты—что же дѣлать? онъ нагоняетъ на меня скуку; на этихъ дняхъ посѣтилъ было представленіе Дѣвы Орлеанской, отъ коего ожидалъ чего то особенно хорошаго, но не нашель; все кажется мнѣ напряженнымъ, неестественнымъ,—и я начинаю дремать.—Репортуя наконецъ о погодѣ: зима была теплая, Шпре совсѣмъ не думала замерзать; вдругъ въ половинѣ Генваря наступили морозы, продолжались недѣли двѣ, впрочемъ, не поднимались выше 12 градусовъ, въ началѣ февраля все начало таять, и теперь не увидишь снѣжинки въ Берлинѣ—начало просыхать: погода весьма теплая. Читаю извѣстія, что въ Россіи приказали долго жить два поэта, и три журнала (и старикъ В. Е.) въ Москвѣ,—за то вышла на свѣтъ новая Трагедія, и новый Журналь, М. Телескопъ; вѣроятно, какъ *Антителеграфъ*: и то и другое возбуждаетъ чрезвычайно мое любопытство и участіе. Такъ нашъ неутомимый борецъ—Надеждинъ ¹⁾—выходитъ еще съ новыми силами на сцену, весьма желать бы я знать что нибудь объ этомъ Телескопѣ и надѣюсь что нибудь узнать отъ Васъ—если будете писать. Репортуя наконецъ о себѣ, что я здоровъ.—Примите въ заключеніе всего увѣреніе въ моемъ искреннемъ почитаніи и сердечной дружбѣ, и желаніе Вамъ здоровья, успѣховъ и всего добраго, которое свидѣтельствуетъ отъ всего сердца душевно Вамъ преданный

Василій Знаменскій.

¹⁾ Выше упоминавшійся Н. И. Надеждинъ.

Забылъ сказать, что наше число увеличилось: двое обучавшіеся въ Дерптѣ, очень хорошіе студенты, тоже по Правовѣдѣнію,—пріѣхали въ генварѣ,—на тѣхъ же самыхъ положеніяхъ, какъ и мы, на казенный счетъ, и пр. Одинъ изъ нихъ—Рѣдкинъ ¹⁾, бывшій нѣкогда студентомъ Московскаго Университета.

29.

Любезнѣйшій другъ

Михайло Владиміровичъ!

Христось воскресе!

Прежде всего спѣшу поздравить васъ (и вашу маминьку, сестрицу и бабиньку) съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова. Желаю вамъ и всѣмъ вашимъ провести его въ свѣтлой и невозмущаемой радости. А меня поздравьте со вступленіемъ на поприще авторской славы, если только переводъ можетъ быть—выражусь такъ—прагомъ храма авторской славы. Я перевожу съ нѣмецкаго сочиненіе покойнаго профессора Дерптскаго университета Еверса ²⁾ и нѣкоторыя статьи моего перевода, для ознакомленія публики съ занимательностію творенія, помѣщены мною въ С. О. и С. А. Я думаю, что вы читали ихъ; онѣ находятся начиная съ 12 № до 15, гдѣ и припечатано имя мое, подъ рубрикою: Россійская исторія. Надѣюсь къ Пасхѣ кончить работу и въ непродолжительномъ времени выпечатать, если только не затруднюсь въ способахъ для напечатанія, требующаго, по крайней мѣрѣ, 2000 рублей. Излишнимъ считаю при семъ обѣщать вамъ экземпляръ книги; вы имѣете непрерывное право на оный, какъ на свое достояніе. При чемъ прошу таить отъ своего Университета подъ печатію молчанія имя переводчика; вы знаете, что книга, по крайней мѣрѣ, на первый разъ, рекомендуется не столько внутреннимъ ея до-

¹⁾ Петръ Григорьевичъ, впоследствии извѣстный юристъ и администраторъ; род 1808 г., ум. членомъ государств. Совѣта въ 1891 г. Состоялъ профессоромъ въ Москов. и Петербург. Университетахъ

²⁾ I G. Everesъ, историкъ и юристъ (1781—1830). Съ 1810 г. читалъ исторію и географію Россіи въ дерптскомъ университетѣ. Сочиненіе его, о переводѣ котораго говорить здѣсь Платоновъ,—*Das älteste Recht der Russen*. 1826

стоицтвомъ, сколько пзвѣстностію переводчика; а я что еще за тварь въ литературномъ мірѣ?

Благодарю васъ за приглашеніе—пзбраться домъ вашъ квартирою на время пріѣзда моего въ Москву. Это для меня самое пріятнѣйшее, избраннѣйшее по всей Москвѣ мѣсто жительства. Но, другъ любезнѣйшій! вы ожидали меня къ Марту мѣсяцу; но онъ уже протекъ, а мы всё на одномъ мѣстѣ. Да! Михайло Михайловичъ ¹⁾ думалъ было послать пасъ къ Пасхѣ въ чужіе краи; но политическія обстоятельства заставили отложить отправленіе наше до Сентября и мы теперь сидимъ почти вовсе безъ дѣла; ибо лекцій не даютъ, и экзамена не производятъ. Такимъ образомъ вы сами можете видѣть, что пріѣздъ нашъ въ Москву долженъ быть не раніе Юля мѣсяца—времени капикулярнаго, которое должно еще болѣе благопріятствовать удовольствію моего свиданія съ вами.

Вы спрашиваете моего мнѣнія о перемѣнѣ вашей политической факультета на медицинскій. Вы безъ сомнѣнія позволите мнѣ быть откровеннымъ и въ семъ случаѣ, какъ и всегда я былъ откровененъ предъ вами. Признаюсь, мнѣ странно кажется такая перемѣна и вовсе несообразною съ тѣмъ назначеніемъ, къ которому опредѣляло васъ рожденіе. Графъ и—тѣкарь, признаюсь, сихъ двухъ понятіи никакъ я согласить не могу. Обыкновенно медицинскій промыселъ избирается тѣми, которые рожденіемъ поставлены въ низкомъ, бѣдномъ состояніи; я увѣренъ, что вы между своими сотоварищами не много, а можетъ быть ни одного не считаете графа. Да и что вамъ за нужда будетъ мыкаться по больнымъ, когда вы обезпечены со всѣхъ сторонъ? Вамъ, по моему мнѣнію, подлежалъ бы другой карьеръ, на которомъ могли-бы васъ поставить однѣ политическія пути. Но я не понимаю, почему вамъ кажется сухимъ и безплоднымъ политическій факультетъ. Напротивъ по мнѣ, политическій факультетъ долженъ быть гораздо питательнѣе и плодovitѣе медицинскаго; я самъ занимаюсь симъ предметомъ и знаю его занимательность. Что на пр. можетъ быть неговору полезнѣе, пріятнѣе, какъ зашматься изслѣдованіемъ хода нашего права, причинъ его измѣненія? и пр. и пр. Что за-

¹⁾ Сперанскій.

нимательнѣе Политической Экономіи? Можетъ быть, профессоръ ваши преподають сіи предметы сухо; но вы сами могли бы растворить ихъ своими изысканіями; въ заключеніе скажу, что политическія науки должныствовали бы быть вашимъ существеннымъ предметомъ, а медицинскія, если имѣете къ нимъ охоту, придаточными.

И. Платоновъ.

12-го Апрѣля.

30.

Любезнѣйшій другъ,

Михаилъ Владиміровичъ!

Наконецъ путешествіе наше по долговременномъ мучительномъ ожиданіи опредѣлено и теперь остановка состоитъ только за министромъ финансовъ, который медлитъ выдачею намъ требующейся на дорогу суммы денегъ. Если не на сей, то на первыхъ дняхъ слѣдующей недѣли отправимся въ путь. Наше начальство сперва предполагало послать насъ моремъ и наши имена внесены уже были въ книгу въ конторѣ пароходства барона Штиглица; но послѣ найденъ этотъ путь неудобнымъ и требующимъ большихъ издержекъ. Я не стану входить въ подробное объясненіе сего неудобства и требованія большой суммы; скажу только, что положено ѣхать намъ сухимъ путемъ въ дилжансѣ, разумѣется, туда же, гдѣ находятся и наши предшественники, которые впрочемъ чрезъ годъ оттуда возвратятся. Срокъ нашего пребыванія за границей полагается три года; времени довольно! и я по возвращеніи своемъ изъ далекихъ чуждыхъ странъ увижу можетъ быть васъ уже не студентомъ, но на службѣ. Сколько воды должно утекъ въ это время! И такъ прощайте, любезный другъ! папугетвуйте меня всѣми благожеланіями, какихъ я могу ожидать отъ вашей дружбы, не забывайте вѣрнаго Платонова, который и за границу повезетъ ту же любовь, какую питаетъ къ вамъ доселѣ, и не оставляйте меня письмами вашими, которыя кромѣ обыкновенной пріятности, сообщаемой имъ силою дружбы будутъ тогда для меня имѣть еще сладость отечественной вони; адресъ же ко мнѣ я напишу вамъ при первомъ письмѣ, которымъ не замедлю, какъ скоро очнусь и осмотрюсь хорошенько на новомъ мѣстѣ жительства моего. Прощайте, любезный другъ!

дай Богъ намъ увидѣться опять по добру по здоровью.
Остаюсь

искренно любящій васъ
Иванъ Платоновъ.

1831 года

Окт. 14 д.

Р S. Если читаете С. О. и С. Д., то пожалуйста не браните творца переводной статьи, помѣщаемой въ теперешнихъ номерахъ сего журнала: о Поэзiи въ Правѣ; она—я знаю—вамъ кажется слишкомъ утонченнымъ произведенiемъ германской учености; переводчикъ сей статьи—я. Вы знаете, что я люблю Поэзiю ¹⁾ и что предметомъ настоящихъ моихъ занятiй поставлено Право; посему я и хотѣлъ заняться—въ какикулярное время, въ дни свирѣпствованiя холеры въ Петербургѣ—такимъ дѣломъ, въ которомъ бы удовлетворялось тому и другому требованiю вмѣстѣ. Вотъ причина, расположившая меня къ переводу такой статьи; впрочемъ Гречъ ²⁾ меня очень благодарилъ за такой трудъ.

31.

Берлинъ. 15—3 дек. 1831.

Ваше Сiятельство!
Любезнѣйшiй и почтеннѣйшiй Другъ!
Миханлъ Владимiровичъ!

Повѣрите ли, до чего я наконецъ дожилъ съ своимъ (или общимъ нашимъ) молчанiемъ: я почти не знаю, какъ начать,—почти не знаю, въ какомъ тонѣ писать: въ томъ ли же простомъ и откровенномъ, какъ писывалъ прежде?..... Вы, можетъ быть, уже оскорбляетесь подобнымъ сомнѣнiемъ и отвѣчаете нетерпѣливо: да, разумѣется!—и Вы имѣете право оскорбляться; если бы я сталъ не шутя сомнѣваться въ Вашихъ дружественныхъ расположенiяхъ — однакожь, когда я подумаю о перемѣнахъ, которыя съ Вами случились, и протекшихъ между тѣмъ двухъ годахъ,—то не имѣю ли я основанiя предполагать и перемѣны *въ Васъ* — пере-

¹⁾ Платоновъ самъ писалъ стихотворенiя; одно такое стихотворенiе въ рукописи имѣется у насъ; написано оно на день Ангела графа Михаила Владимiровича, когда Платоновъ еще былъ студентомъ Академiи.

²⁾ Николай Ивановичъ Гречъ. педагогъ и журналистъ (1787—1867)

мѣны, коей Вы сами можете быть вовсе не замѣчаете—такъ какъ человѣкъ и обыкновенно мало ихъ замѣчаетъ, или замѣчаетъ только гораздо позднѣе.—Возвратимся къ дѣлу: Вы уже болѣе года въ Университетѣ—и странно показалось бы, если бы я вздумать *теперь* поздравлять Васъ съ поступленіемъ въ Университетъ; но и теперь, думаю, еще не поздно будетъ увѣрить Васъ, что я радовался и радъ тому, что Вы въ Университетѣ—важный шагъ, который оставляетъ назадъ дѣтство, и приближаетъ къ жизни общественной—періодъ, состояющій приготовленіе къ жизни практической,—гдѣ расходятся разныя дорожки и большія дороги общественной дѣятельности человѣка, гдѣ человѣкъ начинаетъ уже смотреть впередъ, вдаль,—слѣдственно оглядывается и назадъ,—вообще начинаетъ осматриваться вокругъ себя съ сознаніемъ, съ вопросами самому себѣ, съ саморазмышленіемъ—начинаетъ вступать во внутреннее *совершеннолѣтіе* (прошу вспомнить, что я юристъ, и слѣдств. принимаю это понятіе не слишкомъ строго: не за нравственную зрѣлость, къ которой мы приближаемся во всю жизнь). Не разумѣю и того, чтобы Университетъ самъ по себѣ уже приносилъ все это съ собою,—но онъ подаетъ къ этому рѣшит. случай, вызовъ, онъ требуетъ этого отъ человѣка—это переходъ отъ семейства къ обществу гражданскому—Особенно я предполагалъ уже совѣмъ за вѣрное, что насъ вызовутъ въ С.-Петербургъ въ сію осень,—да и писалъ объ этомъ нашъ Мих. Андр. ¹⁾ рѣшительно къ Савиньи; однакожь на дѣлѣ-то это было не рѣшительно. Насъ оставили еще на годъ за границу—на полгода въ Берлинѣ, и это правда не велика радость—но я радуюсь чрезвычайно тому, что другіе полгода назначили намъ для путешествія по Германіи (при чемъ не мудрено уже вернуться и въ Италію—не говорю уже о Швейцаріи—а можетъ быть позволятъ заглянуть и въ Паризъ, только мало надежды). Главнымъ предметомъ при этомъ путешествіи должно быть посѣщеніе Университетовъ и друг. ученыхъ заведеній, причемъ конечно, мы должны обращать вниманіе на часть юридическую—это такъ написано въ письмѣ къ намъ, и объ этомъ должны мы, попросивъ совѣта у Савиньи, составить планъ и представить Мих. Андреичу. Но вы поѣ-

¹⁾ Балугьянскій

мете, что этимъ не все сказано: съ одной стороны кратковременное посѣщеніе Университетовъ не много можетъ прибавить свѣденій по наукѣ (а основательно и вовсе никакихъ), развѣ только доставить свѣденіе о самыхъ Университ., объ образѣ преподаванія, о профессорахъ, и т. п., что касается до формы ученія; но за то съ другой стороны польза путешествія и не ограничивается этимъ однимъ—не говорю уже объ удовольствіи,—оно въ придачу, — видѣть житье-бытье чужихъ народовъ на мѣстѣ, своими глазами—хотя и проѣздомъ, если тутъ любопытство хотя сколько нибудь направлено желаніемъ наслѣдовать—развѣ это ничего не значитъ? По крайней мѣрѣ несравненно болѣе, нежели вычитывать все это изъ книгъ. А Альпы, а берега и долины Рейнскія?—Хотя это относится кажется къ удовольствію, однакожь я не знаю, можно ли даже подобнаго рода удовольствію быть отдѣлену отъ пользы? Это удовольствіе высшаго рода.—Но что если все это не сбудется?—Я мечталъ напрасно! ну, это еще не велика потеря. Между тѣмъ мнѣ кажется, что насъ оставили даже въ Берлинѣ на зиму только для того, чтобы мы могли потомъ здѣлать путешествіе;—потому что для пребыванія нашего въ Берлинѣ не назначено никакого опредѣленнаго предмета, ни цѣли—писали уже прежде, что нужныя и назначенныя намъ необходимо науки мы слушали; а теперь оставили на нашъ выборъ слушать, что хотимъ (совѣтъ Савиньи предполагается всегда, хотя для формы—потому что онъ и не далъ намъ собственно ни какого). Мы слушаемъ всѣ—сказать теперь мимоходомъ—Политику,—Греч. Древности,—Вексельное—и—Морское Торговое Право;—сверхъ того порознь,—я хожу на Санскритскій языкъ, другіе на другія лекціи. Холера здѣсь почти совершенно прекратилась—и осталось послѣ ея только то развѣ въ воспоминаніе, что все еще встрѣчаешь вездѣ людей на улицахъ съ сигарками во рту, что представляетъ, особенно въ вечеру, довольно забавной видъ, когда людей нельзя разглядѣть, а только горящія сигарки. Надобно Вамъ въ объясненіе сказать, что при появленіи здѣсь холеры разрѣшено было здѣсь курить (для предохраненія) табакъ на улицахъ, и вообще внѣ домовъ, что прежде запрещено было подъ извѣстнымъ штрафомъ—и эта либеральность остается еще и теперь. Холера здѣсь вообще дѣйствовала не сильно, и

Правительство не предпринимало совсѣмъ почти никакихъ стѣснительныхъ мѣръ, убѣдившись, съ одной стороны, что холера распространяется болѣе чрезъ воздухъ, нежели чрезъ сообщеніе,—а съ другой, что строгія мѣры по своему невыгод. вліянію на народъ, болѣе приносятъ вреда, нежели пользы;—и здѣлало очень умно: все оставалось здѣсь во все время дѣйствія болѣзни очень спокойно—даже театры и проч. увеселенія не прекращались. Не смотря на это—одинъ изъ нашихъ товарищей, Петербургскій,—(Орнатскій ¹⁾ по прозванію) уѣхавши послѣ окончанія лекцій прош. лѣта изъ Берлина,—тогда какъ холера подходила къ Берлину—и въ той увѣренности, что намъ не оставаться уже болѣе въ Берлинѣ,—ожидалъ рѣшит. вызова въ П.Бургъ въ мѣстахъ около Гёттингена и Касселя—и когда получили мы приказаніе (въ нач. окт.) остаться въ Берлинѣ, и сообщали ему—никакъ не могъ рѣшиться возвратиться въ Берлинъ, чрезвычайно боясь холеры (и не совсѣмъ безъ причины, потому что имѣеть разстроенный желудокъ)—(и потому что—чрезвычайно боится)—и такъ онъ испросилъ позволенія отъ М. Андр. ²⁾ провести зиму въ Университетѣ Гайдельбергскомъ,—и теперь живетъ тамъ. Итакъ изъ насъ старожилковъ осталось здѣсь только четверо, т. е. мы трое выходцы Московской Академіи, и мой землякъ—Богородскій. Потомъ двое пріѣхавшихъ годъ тому назадъ изъ Дерпта, между ими одинъ—Рѣдькинъ ³⁾, обучавшійся въ Моск. Унив.,—и наконецъ недавно пріѣхавшіе наши товарищи, въ числѣ седми человѣкъ, (седьмой изъ нихъ Русскій Нѣмецъ, которой съ ними жилъ); трое изъ нихъ—Московскіе—Вамъ знакомы, и довольно близко. Наше общество *чистыхъ* Русскихъ—изъ 12-ти человѣкъ состоящее живетъ по братски,—хотя каждой на особой квартирѣ. Забылъ упомянуть о Петерсонѣ ⁴⁾, но потому что онъ не принадлежитъ къ *нашему* обществу по настоящему, а только *по формѣ*. Новопріѣзжіе поручены также Савиньци, а симъ также посланы съ *privatissima* къ Рудорфу ⁵⁾, (отъ коихъ мы на силу *per fas nefas* отби-

¹⁾ Сергій Орнатскій, вызванный изъ Петербургской Академіи.

²⁾ Балугьявскій.

³⁾ Выше упоминавшійся

⁴⁾ Выше упоминавшійся.

⁵⁾ А А Фр Рудорфъ, нѣмецкій юристъ (1803—1873).

лись), — но на слѣд. семестръ они также намѣрены обливаться отъ нихъ. Вотъ кажется все, что я могъ сказать вообще о нашемъ положеніи. Къ здѣшнимъ новостямъ принадлежитъ то, что кончилъ жизнь *Гегель*, патріархъ новѣйшей философіи, такъ называемой всемірно-исторической, — которой здѣсь училъ до послѣднихъ дней; и я слушала у него одну часть — Философію исторіи, — въ прошлую; двое изъ монаховъ товарищей записались было къ нему и на эту зиму, на Исторію философіи, какъ смерть повзала его, въ такое мѣсто, о коемъ его философія ничего не знаетъ. Но Богу судь! — Онъ былъ за 60 лѣтъ; его здѣшній послѣдователь *Гансъ* ¹⁾ объявилъ въ его некрологіи, что онъ не оставилъ по себѣ *преемника*, (хотя много учениковъ), потому что съ нимъ философія *совершила* (*fürs erste*) свое поприще, и впередъ ей идти болѣе некуда! (Не соблазняйтесь тѣмъ, что мы его слушали — наше правило есть: *вся испытайте, — доброе держите*, — коему мы по крайней мѣрѣ *старшемся* слѣдовать) Говорили, что на его мѣсто зовутъ *Шеллинга*, ²⁾ не знаю, вѣрно ли это, и не знаю: пойдетъ ли онъ сюда, если вѣрно. Еще принадлежитъ и то къ здѣшнимъ же новостямъ, (или какъ угодно назовите) что здѣсь болѣе недѣли уже стоитъ необыкновенно теплая погода, и притомъ довольно ясная, — такъ что я большею частію не велю топить комнаты. Еще есть новость болѣзненная.... о коей я желалъ бы лучше почти умолчать, но Вамъ сообщаю съ надеждою, что Вы не будете рассказывать еѣ, кому не нужно — Захаръ Петровъ, бывшій священникомъ при Русской колоніи въ Потсдамѣ, въ Сентябрѣ кончилъ жизнь, и самымъ несчастнымъ образомъ, отъ неумѣреннаго употребл. крѣпкихъ напитковъ, — бывши уже съ нѣкотораго времени въ самомъ жалкомъ положеніи, такъ что смерть почти можетъ казаться благомъ. Какъ онъ постепенно дошелъ до этой крайности, намъ мало извѣстно — впрочемъ смерть его жены была первымъ поводомъ къ этому, — потомъ одиночество, скука и т. д. Возвращусь нѣсколько назадъ, хотя и потеряю

¹⁾ Эдуардъ Гансъ, извѣстный нѣмецкій юристъ, представитель такъ называемаго философскаго направленія въ юриспруденціи Род 1797 г., ск 1839

²⁾ Ф. В. Шеллингъ, знаменитый нѣмецкій философъ (1775—1854)

связь; говоря о философіи, которая будто бы кончила свой круговоротъ съ Гегелемъ,—я забылъ—а надобно было хотя двумя словами упомянуть—объ одномъ новомъ, хотя скромномъ философѣ, которой учить также здѣсь—его имя *Бенчеке* ¹⁾,—молодой еще человѣкъ, хотя съ 1820 года доселѣ выдалъ уже въ свѣтъ довольно сочиненій,—мало имѣеть извѣстности, мало слушателей (но скоро ли и Кантъ получилъ извѣстность), впрочемъ направленіе его совершенно самостоятельное, противоположное всѣмъ новѣйшимъ *спекулятивнымъ* (извините выраженіе) системамъ;—я очень мало еще знаю содержаніе его философіи—но его начало есть *внутренній опытъ* (слѣд. начало эмпирическое—естли угодно),—потому она называетъ себя *Seelen-Erfahrungs-Lehre*—говоритъ,—чего уже съ давняго времени не бывало—*здравому смыслу*, и сознанію человѣческому,—и образъ изложенія есть понятный для здраваго смысла, что также есть рѣдкость въ новѣйшей философіи. Не знаю, какъ далеко онъ дошелъ на этомъ пути—я слушалъ у него только критику—очень основательную—Кантовой философіи, слушаю теперь только набѣгомъ Психологію; (постоянно не могу, потому что его часы сходятся съ другими, кои для меня нужныѣ). Скажутъ, что это направленіе уже слишкомъ старое, пошлое, что это эмпиризмъ и пр. Но ни общія названія подоб. рода, ни сходство направленія съ прежними ничего не рѣшаютъ—старое никогда не возвращается опять въ томъ-же видѣ, на той же степени совершенства,—если оно является опять, то является уже новымъ (разумѣю: въ произведеніяхъ *человѣческой дѣятельности*); а эмпиризмъ?—я думаю, этого и надлежало ожидать,—послѣ того, какъ рядъ *выспреннихъ* филос. системъ уже долженъ былъ утомить, вывести изъ терпѣнія здравомыслящихъ искателей истины, непременно должно было возникнуть противоположное направленіе, ранѣе или позднѣе, или-что тоже—долженъ былъ начаться новый круговоротъ философіи (слѣдственно, я соглашаюсь въ этомъ смыслѣ съ Гансомъ, чтобы тотъ круговоротъ кончился съ Гегелемъ—я буду даже радъ этому) и кто знаетъ?—можетъ быть съ этимъ молодымъ скромнымъ мыслителемъ онъ и начнется.—Довольно объ этомъ. Можетъ

¹⁾ Ф. Э Бенске, род въ 1798 г. ск 1 марта 1854 г

быть, Вы съ истерифііемъ ожидаете отъ меня какихъ нибудь новостей политическихъ, или хотя просто газетныхъ— а я именно для того довелъ до послѣд. страницы, чтобы для нихъ не осталось мѣста, потому что—нѣтъ никакихъ;—ни-какихъ, разумѣю я, которыя бы обращали общее вниманіе,—или онѣ по крайней мѣрѣ только еще готовятся. Напр. въ Палатахъ Парижскихъ все еще хлопочуть о рѣшеніи вопроса, должны ли быть Перье ¹⁾ наслѣдственными;—что они должны быть выбираемы королемъ, это уже рѣшено, и пр. все это конечно важно, но въ такомъ родѣ, что только политики этимъ занимаются. — Настоящимъ покоемъ (хотя совсѣмъ несовершеннымъ — а Ліонскій мятежь?) все однакоже одолжена Франція, и довольно уже долгое время (для французовъ) Министерству Казимира Перье, который съ честію держится и держитъ столь крѣпко бразды управленія, сколько это возможно во Франціи.—О Ліонскомъ возмущеніи рабочаго класса, я думаю, Вы читали. Въ Англіи все еще ожидаютъ—въ чрезвычайномъ напряженіи ожидаютъ—открытія Палаты ²⁾ и новыхъ совѣщаній о преобразованіи нижняго Парламента—о преобразованіи существенномъ для всей Англіи. На Югѣ—что дѣлается между донъ Мигуэлемъ ³⁾ и донъ Педромъ ⁴⁾—мудрено и понять; по крайней мѣрѣ еще ничего не здѣлалось. Одинъ трясется на карточномъ престолѣ, другой или не отваживается, или не умѣетъ оттолкнуть его рѣшительно. Еще мудренѣе разгадать отношеніе Голландіи и Бельгіи — и отношеніе обѣихъ къ пяти державамъ,—это не война, и не миръ—но которое наконецъ перевѣситъ—это вопросъ еще будущаго времени. Въ небольшихъ Южно-Герман. конституціонныхъ государствахъ тоже происходятъ споры о политич. вопросахъ, да немногіе этимъ занимаются, что напр. въ Баденѣ двѣ Па-

1) Перье—франц. государственные дѣятели

2) Пока письмо оставалось у меня, узнали мы объ открытіи засѣданій.
Примѣч. автора.

3) Донъ Мигуэль—братъ дона Педро, бразильскаго императора. Д. Мигуэль, состоя регентомъ при португальской королевѣ, малолѣтней дочери дона Педро, узурпаторствовалъ португальскій тронъ

4) Донъ Педро-бразильскій императоръ, родъ въ 1798 г. Въ 1826 г., послѣ смерти отца, принялъ португальскій тронъ, который вскорѣ передалъ своей несовершеннолѣтней дочери.

латы почти ссорятся или бранятся объ отмѣненіи *десятины*,— или что всѣ духовные (католическіе, слѣд. безженные) вздумали просить отъ Палатъ, чтобы имъ всѣмъ разрѣшено было жениться—что еще кажется не рѣшено; въ Баваріи часть народа въ какомъ то броженіи; въ Касселѣ успѣли вѣрные подданные совсѣмъ вытѣснить Курфирста отъ правленія, и заставили уступить его сыну—но и тутъ все что-то не спокойно,—недавно еще было какое-то буйное стеченіе народа,—причемъ солдаты не могли разогнать его безъ того, чтобы не было нѣсколько человѣкъ ранено и убито—а чего онъ хотѣлъ, кто его знаетъ? Въ Пруссіи и Австріи все тихо—водой не замутите. Турція помалу управляется съ своими возмутит. пашами—слѣдственно не пришло еще время ей развалиться—и если она теперь устоитъ, то кажется долженъ для нея начаться нынѣшнимъ султаномъ новый періодъ—преобразованія.—Вотъ видите ли, Ваше Сіятельство! я занялъ этимъ полстраницы,—а ничего дѣльнаго не сообщилъ—гдѣ же было взять его?

Въ заключеніе желаю Вамъ, любезнѣйшій Михаилъ Владиміровичъ! радостно встрѣтить и провести праздникъ Рождества Христова. въ кругу радостнаго семейства и друзей семейства.

Василій Знаменскій ¹⁾.

В. Протопоповъ.

¹⁾ Этимъ письмомъ и заканчивается имѣющаяся у насъ въ распоряженіи переписка Знаменскаго, Неволіна и Платонова съ графъ Толстымъ.